

DOI: 10.17516/1997-1370-0912
УДК 930

The Image of a Woman in the Cultural-Philosophical Space of A.I. Solzhenitsyn's Epic Novel «The Red Wheel»

Ivan Yu. Makarchuk*

*Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation*

Received 31.01.2022, received in revised form 17.02.2022, accepted 23.02.2022

Abstract. The article deals with the image of a woman presented in A. I. Solzhenitsyn's epic novel «The Red Wheel». Since the latter is devoted to the military and revolutionary events of 1914–1917, the theme of the feminine in its socio-cultural context acquires a target value for constructing the national tradition of culture, as well as a unified cultural and philosophical model of A. I. Solzhenitsyn's work. In the novel, the pre-revolutionary woman is represented by the images of her mother, companion and faithful assistant to her husband; while in the post-revolutionary period, a «new woman» appears in public life, symbolizing gender equality, an active life position, and independence in decision-making. The above change in the content of the feminine reflects the deep socio-political and cultural processes and breakdowns that shook Russia at the beginning of the 20th century.

Keywords: A. I. Solzhenitsyn, cultural and philosophical space, woman, man, family, war, revolution, «The Red Wheel».

Research area: cultural studies, philosophy.

Citation: Makarchuk, I. Yu. (2022). The image of a woman in the cultural-philosophical space of A. I. Solzhenitsyn's epic novel «The Red Wheel». *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 15(10), 1455–1464. DOI: 10.17516/1997-1370-0912

Образ женщины в культурфилософском пространстве романа-эпопеи А. И. Солженицына «Красное колесо»

И. Ю. Макаrchук

*Сибирский федеральный университет
Российская Федерация, Красноярск*

Аннотация. В статье рассматривается образ женщины, представленный в романе-эпопее А. И. Солженицына «Красное колесо». Поскольку роман посвящен военным и революционным событиям 1914–1917 годов, тема женского в его социокультурном контексте обретает целевое значение для конструирования отечественной традиции культуры, а также единой культурфилософской модели творчества А. И. Солженицына. В романе дореволюционная женщина представлена образами матери, спутницы и верного помощника мужа; в то время как в послереволюционный период в общественной жизни появляется «новая женщина», символизирующая собой равноправие полов, активную жизненную позицию, независимость в принятии решений. Приведенная смена содержания феминного отражает глубинные социально-политические и культурные процессы и сломы, потрясшие Россию в начале XX века.

Ключевые слова: А. И. Солженицын, культурфилософское пространство, женщина, мужчина, семья, «Красное колесо», война, революция.

Научная специальность: 24.00.00 – культурология; 09.00.00 – философские науки.

Введение в проблему исследования

Тема женского традиционно рассматривается сквозь призму многих гуманитарных наук, в том числе и в рамках философского и культурологического знания. Особое значение имеет изучение роли женщины в переломные периоды исторического развития, при которых происходят коренные изменения всех сфер общественной жизни. Женщинам в XX веке неоднократно приходилось не только брать на себя роль хранительницы быта, но и защищать свои семьи, в том числе с помощью оружия и тяжелого физического труда, выступать идейным вдохновителем семьи и ее духовной опорой.

Известный культуролог А. Я. Флиер выделяет хронологически (до наступления постиндустриальной стадии развития) четыре условных этапа (культурных текста) развития образа женщины, поскольку трансформация образа женщины в культуре может служить наглядной иллюстрацией этих этапов и степени достигнутой на том или ином этапе свободы быть самодостаточной личностью. В рамках третьего текста женщина рассма-

тривается как мать-воспитатель и домашний работник, а в рамках четвертого – как высокоиндивидуализированная личность, активно добывающая социальной эмансипации и достигающая успеха в этой борьбе. С середины XIX века в наиболее развитых странах женщины начали получать образование (все более повышавшееся в своем уровне от поколения к поколению) и появился такой феномен, как женщина-специалист (Flier, 2021). Аналогично и в России в 1875 году правительство пообещало предоставить женщинам высшее образование. Сначала появились высшие женские курсы, а с 1907 года женщин стали принимать в Петербургский политехнический институт (Patrikeeva, 2012: 38–46).

Борьба мужчины и женщины насквозь пронизывает все части «Красного колеса» и происходит на уровне отдельных людей, борьба человечности с жестокостью – на уровне нации. Указанное противоборство тесно связано между собой. Эпизоды той и другой борьбы, включенные в роман, придают эпопее неоспоримое величие и всеобщность (Niva, 2014: 227). Проблемы вза-

имодействия маскулинного и феминного начал выражены на страницах «Красного колеса» следующим женским суждением: «Нужно идти или навстречу друг другу, или в разные стороны. Других отношений между людьми не ценю и не желаю поддерживать. Вечные милые враги (мужчина и женщина)» (Solzhenitsyn, 2007: 179).

По замечанию А. Аркатовой, именно мужчинам принадлежит ведущая роль в «Красном колесе» в части отображения исторических и культурных процессов, происходящих в России в начале XX века, а «масштабно-эпопейный характер произведения многосторонне отражает повседневную картину эпохи в ее не только историческом, но и любовно-семейном и эмоционально-психологическом проявлении» (Arkatova, 2013: 359).

Французский историк литературы и славист Ж. Нива также пишет, что «женские образы у Солженицына часто кажутся невзрачными, неловко исполненными, подчас искусственными. У Солженицына не найти пламенных любовниц или женщин, подобных демонической леди Макбет. Можно сказать, что мир Солженицына – это мужской мир, и женщина в нем появляется как воспоминание, угрызение совести, случайная гостья, объект для флирта или идеал» (Niva, 2014: 119).

Концептологические основания исследования

В настоящее время культурологами и философами особое внимание уделяется исследованию вопросов мужского и женского в различных плоскостях социокультурной жизни. Такой интерес обусловлен усугубляющимся кризисом социокультурной идентичности и дифференциации. История культуры и искусства свидетельствует о неразрывной связи и сопряженности культуры и гендерных аспектов. Бытие феминности и маскулинности – смыслообразующие и неотъемлемые конструкты культуры, поэтому в общепринятых смыслах и традиционном понимании «быть женщиной» или «быть мужчиной» – означает воспроизводить определенный культурно-

символический ряд. Исследования женской субъектности, ресурсного ряда и статусов женщины были всегда актуальны в теории культуры. Например, Г. Хофстеде, развивая идею об универсальных основаниях культуры, в качестве одного из измерений национальных различий культуры называл противопоставление мужественности и женственности и связывал его с подразделением эмоциональных ролей между мужчинами и женщинами, а Л. Фробениус разделил все культуры на женские и мужские. Соответственно, и сегодняшняя культурфилософия немыслима без изучения общего и особенного в жизненном опыте женщин на различных участках социокультурного развития (Evseeva 2014: 241; Korceva, Reznikova, 2014: 28, 74).

На рубеже XIX–XX веков началась активизация художественного и философского осмысления вопросов, касающихся женственности. Заявленные проблемы практически сразу приобрели дискуссионный характер и полифоническое культурфилософское звучание. Участники полемики, каждый по-своему, видели в женщине источник нравственности, сохранение которой у одних мыслителей или требуемое изменение у других означало достижение гармонии в обществе. Женский вопрос в России, став предметом острых дискуссий, превратился из второстепенного в один из центральных.

Изучение женских образов и маркеров феминности позволяет моделировать социокультурную мозаику интересующего исследователя этапа исторического развития. Одновременно с этим посредством женских образов становится возможным отслеживать динамику и специфику политической и социально-экономической жизни. И наконец, через концепты женского мы можем конструировать культурфилософские воззрения автора на многие проблемы социального и культурологического толка.

Постановка проблемы

Стоит отметить наличие множества содержательных исследований, посвященных изучению различных аспектов женских

образов в художественных произведениях, классиков русской литературы с философским и (или) историческим содержанием.

Проблемное поле исследования обусловлено малоизученностью такого важного аспекта текстов А. И. Солженицына, как женские образы. Кроме того, исследование женских образов в произведениях А. И. Солженицына значимо как в историческом аспекте – позволяет обозреть описываемые писателем периоды через онтологию женской жизни, так и в культурно-философском, поскольку в литературном наследии отражена рефлексия женщин эпохи на культурные феномены. В этой связи закономерным оказывается тезис о том, что именно женщина в творческой концепции А. И. Солженицына способна сохранять, продуцировать любовь и отстаивать гуманистические ценности (Ви, 2018: 4–5).

В творчестве А. И. Солженицына женские образы исследованы лишь в некоторых его произведениях. С позиций культурфилософии образы феминного в самом крупном отечественном романе-эпопее «Красное колесо» не исследовались, что и определило содержание и композицию настоящей статьи.

Методология

Методологическую основу работы составили как общенаучные методы (анализ и синтез, обобщение, сравнение, индукции и дедукции, логический, системный и исторический подходы, развитие предмета исследования), так и методы, традиционно используемые в подобного рода исследованиях: культурологический анализ, контент-анализ литературы и метод культурно-философской традиции.

Обсуждение

О поведении женщины в браке

В главном мужском герое «Красного колеса» полковнике Георгии Воротынцеве (вымышленный персонаж) мать воспитывала «рыцарственное, преклоненное отношение к женщине», поскольку окружающий мир жесток и поэтому мужчина должен защищать свою женщину, «приподымать ее

над этой жестокостью», безгранично восхищаться. Вследствие такого отношения к женщине любовь становится безошибочной, так как дается один раз: «нежно любишь ты, нежно любят тебя, и мир замкнулся в наилучшем виде, приспособленном для твоего движения!» (Solzhenitsyn, 2007: 119–120).

Супруга Воротынцева – Алина символизирует готовность женщины жертвовать («женский удел – жертвы») уютом ради мужчины, безоговорочно верить в путь, выбираемый мужчиной. Переезд после женитьбы на новое место жительства обернулся финансовыми и бытовыми трудностями, поэтому для Алины привычным стало «больше отказывать себе, чем разрешать» (Solzhenitsyn, 2007: 9). Такая модель взаимоотношений полов укладывается в границы обыденного сознания, при которых женская бытийность связана «с женщиной как полом биологическим, физически более слабым по сравнению с мужчиной, вследствие чего ... женщине отведена роль последовательной исполнительницы воли мужчины» (Kardapol'seva, 2005: 64).

В романе поднимается проблема стремления к расширению женщиной влияния на мужчину, а мужчина имеет такую психическую организацию, что «когда-то для тебя это наслаждение, когда-то сносно, а вот уже и тяжело». В связи с этим приводятся слова генерала от инфантерии И. М. Левачева о том, что женщины нередко преувеличивают любовные переживания, незначимые амурные события и волнения, которые «слишком смакуются поэтами». Для мужчин характерен патриотизм и чувство гражданского долга, поэтому военнослужащие часто мыслят, что «семейная жизнь – не для война» (Solzhenitsyn, 2007: 122).

На примере А. И. Гучкова писатель обращается к теме успешного брака. Несмотря на опыт и понимание женщин, указанный политический деятель «женился опрометчиво и бездарно» и за годы, прожитые с М. И. Зилотти, на личном примере познал, как «может женщина измотать, издегаться, задушить самого сильного мужчину».

Гучков понимал, что самые доблестные лета «прожил с женщиной чужой души, не способной ни оценить этих лет, ни помочь в них». Напротив, Гучков понапрасну растрчивал силы, часто теряя жизненный баланс, «занимался и общественной борьбой, даже с лишнею резкостью, лишь бы вырваться куда-нибудь» (Solzhenitsyn, 2007: 87).

Параллельно с Гучковым описана судьба возлюбленной его молодости, представительницы русской театральной культуры Веры Комиссаржевской. Гучков – олицетворение мускулинности, завоеватель по своей природе, а она символ женственного начала, хрупкая девушка, которая «видит вдали более важное, мимо плеч завоевателя». То, что для простых женщин было житейской радостью, «ее приводило в угнетенность и в новый толчок – очиститься и взлететь. Она – женщина была, но в ролях играла не женщин, а души их. Своим волнующим голосом, своим утлым станом – выводила их, выпевала, – необычно сложных, с такою внутренней тоской, на вечную нам загадку». Поэтому и в жизни Гучкова как бы имела транзитное значение, но только после ее безвременной кончины понял он, что прошла она «неотмирной тенью, как чтоб навсегда оставить ему одинокость, показать другую ступень бытия, не того тщетного, каким занимался он, другую ступень обладания – не того, что забывается воином через час, но цветком засохшим, а пахучим бессмертно». А смерть ее настала на гастролях в Ташкенте «в те самые недели, когда его борьба требовала все силы собрать: когда он стал председателем своей Третьей Думы» (Solzhenitsyn, 2007: 213–214).

Женщины и война, военная служба мужей

В военное время «воюющему мужчине естественно знать ту женщину, к которой он должен вернуться, и весь его военный путь должен быть к ней» (Solzhenitsyn, 2007: 226–227). Такое положение вещей делает более чуткими взаимоотношения женщины и мужчины, «обостряет» чувства, служит установлению глубинной духовной

связи. Так, в романе описано, как женщины на перроне Кракова встречают своих мужчин: раненых санитары транспортируют с вагонов в санитарные кареты, а женщины с «жадным страхом» всматриваются в лица прибывших солдат «между бинтами и простынями, ужасаясь угадать своего. Иногда раздавались вопли – узнавания или ошибки, и толпа сильнее сжималась и пульсировала как одно» (Solzhenitsyn, 2007: 211).

Саша Ленартович, который «за светлое великое дело ... готов был бы умереть в любую минуту», после короткого ночного боя размышляет о ценности жизни, о красоте природы и, конечно же, важности и незаменимости женщины в жизни мужчины, с сожалением думая, как мог эти годы миновать женщин, «разве не они – самое главное, для чего мы все остаемся жить». Ведь полчаса назад в одночасье он мог «потерять все – и набранные знания, и убеждения, и кровообращение. А память о женской любви как будто оставалась бы на земле чем-то вещным, не пропащим. Ее как будто пуля не брала» (Solzhenitsyn, 2007: 314–315). Для него женщина должна быть созвучна вектору его жизни и готова к «размаху ожидаемой борьбы», а подлинный идеал женщины-спутницы представлен в стихотворении «Нет, я лгать не хочу – не случайно тебя...» (1884), принадлежащем перу поэта второй половины XIX века С.Я. Надсона. В романе приводится третья (заключительная) строфа указанного стихотворения, в котором поэт ставит выше общественное благо и служение людям, чем лично-интимные взаимоотношения. Поэтому для Ленартовича «женщина должна быть – помощница, соратница и сама по себе энергичная деятельница на общее благо» (Solzhenitsyn, 2007: 97).

Война для женщин всегда сопряжена со страхом потерять своего мужчину, а также с вопросами его продвижения по службе. Поэтому А.И. Солженицын ставит вопрос: «Во время войны – жребии всех ли жен равны? Для всех: останется ли жив? Но для кадровых военных не менее важно – его место в армии: ведь военная служба вся направлена к продвижению, в этом смысл

ее, так она задумана». Воротынцев, уставший от военной службы и удрученный переводом из Ставки обратно в полк, не желал приезжать домой на месячный отпуск, а звал свою супругу приехать к нему, чтобы неподалеку от передовой снять квартиру. И Алина, как жена военнослужащего, «понимающая свой долг, должна знать и ступени жертв», поехала на передовую в месяц своего тридцатилетия (Solzhenitsyn, 2007: 96–97).

Замужество как судьбу воспринимала «и не раскаялась никогда нисколько» и супруга горного инженера Петра Ободовского, так как «судьба – мужа, а ее – прилитая, и так – хорошо, верно». Вся совместная их жизнь была заключена в работе на общее благо, переездах и борьбе, так что «ни на что больше не оставалось и щелочки». У Петра с самой юности имелись жизненные убеждения и принципы, а у Нины фактически никаких, и со временем, что вполне закономерно, она «стала думать, как и он». Когда они в молодости жили в Петербурге, то Петр привлекал супругу к работе и классификации данных рудничных исследований. Если муж огорчался от качества ее работы, то она «готова была отказаться от чего угодно. Так и приучилась она жить – в радостном угождении».

Жизнь Нины проходила по заданной колее, обусловленной родом профессиональных занятий ее мужа. Тем не менее она приняла бытие таким, как оно есть, а в походной жизни усматривала источник вечно сохраняемой молодости. Она также отчетливо понимала, что не суждено ей уже познать ни финансового достатка, ни полноценного отпускного отдыха, ни развлечений. Удел ее жизни состоял в одном: быть его женой. А нередко ей даже приходилось рисковать жизнью из-за профессии мужа, например «если он вез из Иркутска на рудник динамит, оформлять же такой груз официально на все предохранности было слишком долго, – то просто вносили динамит в пассажирский вагон, Нуся садилась на роковой ящик и распушенной юбкой прикрывала от кондукторского глаза страшную упаковку. Так на потряхивании и ехала»

(Solzhenitsyn, 2007: 323–326). Н. Ободовская является яркой представительницей женщины-жены, поскольку смысл ее жизни состоит в самоотверженном и беззаветном служении мужу, полном подчинении ему, абсолютном самопожертвовании, живом и заинтересованном участии в осуществлении его жизненных задач (Urmanov 2005: 375). Такой тип женщины в супружеской жизни воспитывает в себе последовательность: не отклонять супруга с пути ни на волосок, всегда облегчать его жизнь – и никогда не стеснять, всегда присутствовать – если не требуется обратного (Solzhenitsyn, 2007: 205), тихо работать для того, кто ведет ее по жизни (Solzhenitsyn, 2007: 214).

Вообще для женщины военных лет характерно принятие на себя многих функций мужчины. Здесь следует упомянуть такой феномен, как «мужественная женственность», подразумевающий смелость, моральную и физическую силу, жизненную обособленность, эмоциональную устойчивость. В исследованиях нередко отмечается, что проявления «мужественной женственности» есть особенность времени, влияющая на ролевое самовыражение женщин (Kardapol'seva, 2005: 63). В «Красном колесе» мы можем найти соответствующие примеры. Так, в период Февральской революции имело место народоправство в провинции: «Весь апрель Одесса переживает эпидемию краж и налетов – от того, что в крупных южных городах сразу освободилось три с половиной тысячи уголовных и они большей частью стянулись в Одессу. А тут после отмены полиции никто не охранял имущества. Одна молодая женщина, муж которой на войне, полночи отстреливалась через окно от трех вооруженных грабителей» (Solzhenitsyn, 2010: 165).

Отдельно следует упомянуть об участии императрицы Александры Федоровны в вопросах государственного управления, когда из чувства долга и любви к супругу, который чрезмерно утомлялся от государевых дел, изыскивала в себе мужские волю и разум, участвуя в первых то советом, а то и реальными действиями. По этой причине императрица «выбилась из мало-

летства пятерых детей, – не было такого случая, чтоб она не имела определенного государственного мнения и мнение это было бы неправильно. Да слишком близко она стояла, чтоб разрешить себе не вмешиваться!» (Solzhenitsyn, 2007: 493).

Александра Федоровна гордилась, когда чей-либо доклад не оставался «в пределах специфически женской деятельности, но от частной проблемы поднимался до государственного значения. Со своей настойчивой волей она тотчас шла к важным решениям для укрепления и возвышения России – и затем либо внушала их Государю в письмах, либо сама искала кратчайшие пути исполнения здесь» (Solzhenitsyn, 2008: 167).

Императрица неоднократно вовремя предупреждала супруга об опасностях на фронте и во время народных волнений, «ее письма никогда не были женской болтовней, но со многими деловыми сведениями и энергичными советами», а когда он был в отъезде и «не было ничего, это успокаивало: Аликс всегда на страже и не пропустит опасного» (Solzhenitsyn, 2008: 481). При этом Александра Федоровна «гордилась, что она – мужчина среди женщин, одетых в государственные брюки, – и как бы сильно и славно она управилась, будь у нее прямая власть и здоровье!». В конце февраля 1917 года ощутила Александра Федоровна «себя женщиной безо всяких сил и преимуществ, и как же нужен был ей какой-то сильный, уверенный, старший мужчина рядом, кто бы сказал, что делать. И не было никого...» (Solzhenitsyn, 2008: 634).

А. И. Солженицын пишет о том, что «у каждой женщины в ее чувстве к любимому есть что-то материнское». И конечно, у императрицы ее супруг Николай II был в ней самой, в ее сердце и груди. Она была уверена в необходимости ее помощи государю, полагала, что Господу угодно, чтобы она оберегала императора и была ему ближайшим советником (Solzhenitsyn, 2008: 478).

О семейных разладах

Особенности поведения женщин во внутрисемейных разладах, описанные

в «Красном колесе», представим на примере семьи А. И. Гучкова. Женщинам характерна непоследовательность в конфликтных ситуациях с мужьями, которая трудна для восприятия последними. «Петлявость» и «попятность» часто вызывают к жизни «проблески ложной надежды». Кажется, что отношения дошли до крайней точки и более ничего не объединяет супругов, но дается какое-то повторенное многократно (и систематически несдерживаемое) обещание, и оно становится импульсом к кратковременному и зыбкому примирению. Появляется доверие и нежность между супругами. Но через непродолжительное время все возвращается к исходной разрушительной точке. Еще до рождения четвертого ребенка они оба понимали, что их семейное разделение неизбежно. Хотя собственно развод, как уверяла супруга Гучкова, невозможен «из-за детей и по особому гучковскому положению ... к ним пристальна вся Россия, и развода ему не простят». И Гучков оставил семью, но особенность семейных неурядиц состоит в бесконечном мысленном перекладывании проблем семейных: «может быть – я не так был с ней, недостало терпения, надо было больше доверия, больше увлечь своим делом?» (Solzhenitsyn, 2008: 330–331).

Прошло время, и он вернулся в семейную жизнь, но в начале 1916 года состояние здоровья Гучкова стало совсем тяжелым и было ощущение, что в ближайшие дни он скончается. Вместо реальной помощи и поддержки «Мария Ильинична – как будто обрадовалась его смертельной болезни, как на добычу кинулась на ухаживание за ним». И он сожалел, что после его кончины именно она будет еще «полвека выступать на земле» его подругой, памятью, истолковательницей (Solzhenitsyn, 2008: 330–333).

О равноправии женщин и создании «новой» женщины

В ходе революционных событий в женских обществах обсуждались проблемы участия женщин в политической жизни, одобрялось участие женщин в митингах «с требованием, чтобы женщины участво-

вали в выборах в Учредительное Собрание и даже могли бы становиться министрами». Были и иные точки зрения, согласно которым интерес в скором времени к вопросам равноправия должен утихнуть, поскольку «всякое государство всегда несправедливо к женщине», женщинам всегда было даровано лишь право «умирать за свободу наравне с лучшими мужчинами», но при этом за внебрачного ребенка осуждают лишь женщину, а мужчинам все прощается (Solzhenitsyn, 2008: 462). Подобного рода дискуссии свидетельствуют о том, что «в течение долгого времени женщина оставалась одним из самых значимых Других культуры. Роль Другого приписывалась ей андроцентрической культурой, где власть концентрировалась в руках маскулинного субъекта» (Shpinskaya, 2018).

С апреля 1917 года в революционных газетах публиковались призывы к женщинам (под предлогом того, что «заря новой жизни занялась») принять участие в строительстве Новой Свободной России (Solzhenitsyn, 2010: 16, 164). А с марта того же года призывы становятся более категоричными: «Женщина-работница, спавшая непробудным сном столько долгих лет, в полном подчинении мужчине, проснулась! Вставай, русская работница! Подбери ключи от счастья женского, отпирай замки!» (Solzhenitsyn, 2008: 37).

Все это знаменовало, что «в мире выколывалась Новая Женщина», которой присущи иные психологические установки, новые социальные, культурные и политические запросы и ожидания, иная эмоциональность, самоценный и свободный внутренний мир, борьба за общечеловеческие интересы и ценности. Женщина стремительно переставала быть элементарным отражением мужчины, завоевывала в мужском восприятии роль самостоятельной социальной и духовной единицы. Для женщины теперь не составляло трагедии, если ее юношеский роман не заканчивался свадьбой или если муж ей был неверен – теперь она могла самостоятельно принимать решение, а наличие ребенка не могло стать поводом к общественному осуждению и препят-

ствием для дальнейшей успешной жизни, ведь в «их нелicenseмных переживаниях сокрыта этика более совершенная, чем пассивная добродетель пушкинской Татьяны или трусливая мораль тургеневской Лизы» (Solzhenitsyn, 2008: 507).

По мнению А. И. Солженицына, слово, наиболее полно отражающее новых героинь, – «бунт», а именно массовое несогласие с предписаниями «однобокой сексуальной морали», неприятие подчиненной роли женщины в отношениях с мужчиной. Вполне закономерно, что в таких условиях женщина начинает бороться «со своей склонностью стать тенью мужа, его резонатором, отказаться от себя, раствориться в любви». Для новой женщины финансовая и бытовая самостоятельность становится нормой жизни (Solzhenitsyn, 2008: 508).

Впервые статья «Новая женщина» была опубликована в 1913 году А. М. Коллонтай и легла в основу одноименной концепции. Писатель приводит рассуждения из указанной статьи в своей художественной интерпретации с сохранением логики повествования (глава 631 «Марта Семнадцатого» посвящена появлению «новой женщины»):

«Прежняя мораль объективно мертва, и обращение к ее положениям губительно для образа новой женщины. В этой сфере существуют две актуальные задачи: «наилучшее воспроизведение потомства и психическое утончение человека в любви». Брак базируется на ошибочном принципе «безраздельной собственности». Неверно вступать в брак без достаточного понимания и ощущения родственности душевной и физиологической. Единственным законодателем в межличностных отношениях женщины и мужчины следует признать индивидуальную волю каждого, а «открытая смена любовных союзов на протяжении долгой человеческой жизни должна быть признана обществом как нормальная и неизбежная! Влюбление, страсть, любовь – это лишь полосы жизни, перебегающие под солнцем». Женщине следует относиться к любви не как к основе жизни, но как к ступени, основанию познания своего «Я» и бытийного предназначения. При таких обсто-

яательства женщина научится «выходить из любовного конфликта не с помятыми крыльями, но с закаленной душой». Любовный плен вреден для женщины, он мешает рациональному и взвешенному принятию решений. Если раньше для женщины «измена или потеря любимого человека» были фактическим крахом всего сущего, то для современной женщины самое страшное – «потеря самой себя, отказ от самой себя в угоду любимому», т. е. своего духовного «Я». Пренебрежение и фактическое игнорирование последнего культивировались мужчинами на протяжении всей человеческой истории (Solzhenitsyn, 2008: 508–511).

Заключение

В «Красном колесе» мы видим вплоть до революций преимущественно женские

образы матери, хранительницы быта, друга, верной жены, помощницы мужа, а концепт «новой женщины» утверждается в первые годы советской власти, поскольку в указанный период шли процессы разрешения противоречий между «ценностями традиционной русской духовности, основанной на соборных принципах и вере, и новой культуры, утверждающей ценность отдельного человека, разума и прогресса» (Mirkushina, 2014: 11). Изменение социокультурных ролей женщины, рассмотренных в настоящей статье и объективно представленных в исследуемом романе-эпопее, подтверждает тезис, согласно которому конец XIX – начало XX века являлись переходным периодом, ознаменовавшим качественные изменения экономической, политической, социальной и культурной жизни.

References

- Arkatova A. E. [i dr.] (2013) *ZHizn' i tvorchestvo Aleksandra Solzhenitsyna: na puti k «Krasnomu Kolesu»* [The life and work of Alexander Solzhenitsyn: on the way to the «Red Wheel»]. M.: Russkij put'.
- Bi Czyun'zhu. (2018) *ZHenskie obrazy v tvorchestve A. I. Solzhenitsyna* [Female images in the works of A. I. Solzhenitsyn]: diss. ... kand. filol. nauk. Moskva, 4–5.
- Evseeva L. V. (2014) *Specifika reprezentacii obraza zhenshchiny v kul'ture* [The specifics of the representation of the image of a woman in culture]. In *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, 2 (85).
- Kardapol'ceva V. N. (2005) *ZHenstvennost' kak sociokul'turnyj konstrukt* [Femininity as a socio-cultural construct]. In *Vestnik RUDN. Seriya: Sociologiya*, 1, 62–76.
- Kopceva N. P., Reznikova K. V. (2014) *Teoriya kul'tury: uchebnoe posobie* [Theory of culture: a textbook]. Krasnoyarsk: Sibirskij federal'nyj universitet.
- Mirkushina L. R. (2014) *Obraz zhenshchiny v russkoj religioznoj filosofii i kul'turnoj tradicii konca XIX-nachala XX vv.* [The image of a woman in Russian religious philosophy and cultural tradition of the late XIX-early XX centuries]: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk. Astrahan'.
- Niva ZH. (2014) *Aleksandr Solzhenitsyn: Borec i pisatel'* [Alexander Solzhenitsyn: Wrestler and writer]. SPb.: Vita Nova.
- Patrikeeva O. A. (2012) *Kursistka ili vol'noslushatel'nica universiteta: vybor rossiyanok v nachale XX stoletiya* [A student or a university student: the choice of Russian women at the beginning of the twentieth century]. *Lokus: lyudi, obshchestvo, kul'tury, smysly*, 2, 38–46.
- Solzhenitsyn A. I. (2007) *Sobranie sochinenij v 30 t. T. 9. Krasnoe koleso: Povestvovan'e v otmerennyh srokah. Uzel II: Oktyabr' SHestnadcatogo. Kniga 1* [Collected works in 30 vol. V. 9. The Red Wheel: Narrative in measured terms. Node II: October of the Sixteenth. Book 1]. M.
- Solzhenitsyn A. I. (2007) *Sobranie sochinenij v 30 t. T. 7. Krasnoe koleso: Povestvovan'e v otmerennyh srokah. Uzel I: Avgust CHetyrnadcatogo. Kniga 1* [Collected works in 30 vol. V. 9. The Red Wheel: Narrative in measured terms. Node I: August of the Fourteenth. Book 1]. M.
- Solzhenitsyn A. I. (2007) *Sobranie sochinenij v 30 t. T. 10. Krasnoe koleso: Povestvovan'e v otmerennyh srokah. Uzel II: Oktyabr' SHestnadcatogo. Kniga 2* [Collected works in 30 vol. V. 10. The Red Wheel: Narrative in measured terms. Node II: October of the Sixteenth. Book 2]. M.

Solzhenitsyn A. I. (2008) *Sobranie sochinenij v 30 t. T. 14. Krasnoe koleso: Povestvovan'e v otmerennyh srokah. Uzel III: Mart Semnadcatogo. Kniga 4* [Collected works in 30 vol. V. 14. The Red Wheel: Narrative in measured terms. Node III: March of the Seventeenth. Book 4]. M.

Solzhenitsyn A. I. (2008) *Sobranie sochinenij v 30 t. T. 11. Krasnoe koleso: Povestvovan'e v otmerennyh srokah. Uzel III: Mart Semnadcatogo. Kniga 1* [Collected works in 30 vol. V. 14. The Red Wheel: Narrative in measured terms. Node III: March of the Seventeenth. Book 1]. M.

Solzhenitsyn A. I. (2008) *Sobranie sochinenij v 30 t. T. 12. Krasnoe koleso: Povestvovan'e v otmerennyh srokah. Uzel III: Mart Semnadcatogo. Kniga 2* [Collected works in 30 vol. V. 12. The Red Wheel: Narrative in measured terms. Node III: March of the Seventeenth. Book 2]. M.

Solzhenitsyn A. I. (2010) *Sobranie sochinenij v 30 t. T. 15. Krasnoe koleso: Povestvovan'e v otmerennyh srokah. Uzel IV: Aprel' Semnadcatogo. Kniga 1* [Collected works in 30 vol. V. 15. The Red Wheel: Narrative in measured terms. Node IV: April the Seventeenth. Book 1]. M.

Solzhenitsyn A. I. (2010) *Sobranie sochinenij v 30 t. T. 16. Krasnoe koleso: Povestvovan'e v otmerennyh srokah. Uzel IV: Aprel' Semnadcatogo. Kniga 2* [Collected works in 30 vol. V. 16. The Red Wheel: Narrative in measured terms. Node IV: April the Seventeenth. Book 2]. M.

Urmanov A. V. [i dr.] (2005) *Mezhdru dvumya yubileyami (1998–2003): pisateli, kritiki i literaturovedy o tvorchestve A. I. Solzhenitsyna* [Between two anniversaries (1998–2003): writers, critics and literary critics about the work of A. I. Solzhenitsyn]: Al'manah. M.: Russkij put'.

Flier A. YA. (2021) ZHenshchina kak kul'turnyj tekst [Woman as a cultural text]. In Elektronnyj zhurnal «Kul'tura kul'tury», 3.

Shapinskaya E. N. (2018) ZHenshchina v kul'ture: ot izvechnoj «drugosti» k torzhestvu femininnosti [A woman in culture: from the eternal «otherness» to the triumph of femininity]. In Elektronnyj zhurnal «Kul'tura kul'tury», 1.